

* * *

В тихом сумраке светятся ивы.
В тихой речке не дрогнет закат.
Только чибисы громкое: «Чьи вы?»
Беспокойно и долго кричат.

От тоски или, может, от страха
За гнездо, за привычный покой
Так тревожится чуткая птаха:
Чей ты ходишь – чужой или свой?

Или, жизнью и смертью хранимый,
Это голос природы во мгле?
Чтобы вечно мы помнили – чьи мы.
Чьи мы люди, на чьей мы земле.

* * *

Душа должна быть чистой и спокойной.
Как брошенная церковка с погостом,
Поросшая крапивою седою,
С крестом подгнившим и упавшим на бок.
И никого на сотни вёрст в округе.
Одни лишь птицы весело щебечут.
И гнёзда вьют под закоптелым сводом.
Растят птенцов и выпускают в небо.
Одни лишь звёзды мирно осеняют
Её облезший, обветшалый купол.
Одни лишь ветры в ней творят молитвы,
Влетая вольно в выбитые окна.

О, как там тихо. Той печалью тихой,
Хранящей вечность в каждом мшлом камне.
В песчинке каждой, в вылинявшем лике
Творца Вселенной.
Здесь не властно время.
И люди здесь не более, чем блики
Густых теней, давно размытых солнцем.
Вот так бы жить. От суеты отмывшись.
Как годы здесь отмыли позолоту.
Прорвали стёкла, выбили ворота.
Столетней пылью стены окропили.
Истлили кружева лепных узоров.
Истлили всё, что поддаётся тленью.
Осталась только устремлённость в небо.
Душа должна быть чистой и высокой.
Как брошенная церковка с погостом.
И на погост уже никто не ходит.
Недвижно там лежат воспоминанья.

* * *

Мои слова мне душу не облегчили.
Моя любовь уже почти прошла.
Мои следы, оставленные вечером,
Полуночная вьюга замела.

И тишина тяжёлая и грозная
Раскинулась на дальнем берегу.
Ворона, как боярыня Морозова,
На белом запечалилась снегу

С каким-то злым, с каким-то тайным умыслом.
Господь её помилуй и спаси
За то, о чём она теперь задумалась –
Великая печальница Руси.

Здесь что ни год, то смута да растление.
Здесь что ни храм, то Спаса-на-Крови.
Придавленные страхом унижения,
Молчат, молчат соотичи мои.

И тихо так, что слышу скрип обозы я.
Томятся на Москве колокола.
И чёрная боярыня Морозов
Летит, раскинув вещие крыла.

* * *

Да свою ли я судьбу прожила.
Своего ли я коснулась креста.
Если б душу мне отмыть добела.
Добела её отмыть, дочиста.

Ничего-то у меня не сбылось.
Ни кола-то у меня, ни двора.
Кроме всклянъ осеребрённых волос,
Никакого у меня серебра.

Призадумаешься – быть ли, не быть,
Как начнёшь свои копейки считать.
Хочет время проучить, приручить.
Хочет время мне хребет заломать.

Только зря оно заводит игру.
Ни к чему его бездарная месть.
Я и руки-то сложу – не умру.
Я и в землю-то уйду – буду здесь.

Никому я не доверю свой свет.
Он на тысячи веков только мой.
А за свой за несломимый хребет
Посеребренной плачу головой.

* * *

Как стремительно темень прошла по холмам.
По притихшей реке, по безлюдной дороге.
И вплывая в мои окна, легла по углам.
И голодной собакой забилась под ноги.

И уже не прорваться сквозь вязкий кошмар.
Вдалеке беззащитный дрожит огонёчек.
Миг – и хрустнет он глухо, как ёлочный шар
В чёрных лапах распахнуто-вздымленной ночи.

Огонёчек, продушина, выход, просвет.
Осветивший слегка моё мутное время.
Даже дом, даже клён, даже мой силуэт
Слились с теменью, словно и сами лишь темень.

Страшен мир, если в нём даже ветер затих.
Если даже движения неразличимы.
Что стою, что иду я, что век мне, что миг,
Всё – незримо.

И тогда я пошире открою окно.
Я вспорю эту ночь криком злым и усталым.
Мне не плохо, не больно. Мне просто темно.
Так темно, как ещё никогда не бывало.

* * *

Я сжигала мосты. Я рубила плеча.
А теперь – отвечать головой.
Вот уже созревает в степи алыча.
И пора возвращаться домой.

И пора возвращаться, плоды собирать.
Да на солнышке летнем сушить.
Чтоб зимою у печки компот попивать.
Слушать вьюгу и жить – не тужить.

А не то налетит вороньё-сорочьё.
Разметут, разнесут, расклюют.
Благо, степь широка, благо, небо ничьё.
Благо, нету хозяина тут.

Ох, не греют, не греют чужие дрова.
Жестковаты чужие хлеба.
Вот теперь и боли, отвечай, голова.
Утешайся: мол, это – судьба.

И сию я одна, словно пёс на цепи.
Караюлю тоску да печаль.
И гниёт, осыпаясь в далёкой степи,
Золотая моя алыча.

И не стоит теперь ворошить-ворожить,
Кто меня в эти земли занёс.
Я не думала даже, что можно прожить
Столько лет. Столько дум. Столько слёз.

* * *

А я сюда – не шуточки шутить.
Попробуйте меня переменить.
Прельстить, купить.
Мне вам сказать пора:
Я принимаю сторону добра.

Нет, не в аду – у мира на виду
Горевшая, я с миром к вам иду.
И заслоняя ссадины свои,
Я становлюсь на сторону любви.

Узнавшая про боль не по словам,
Не меч, но мир я предлагаю вам.
И говорю всем, кто богат и сыт:
Я там, где плачут, с теми, кто забыт.

Оледеневшая в объятьях зла,
Я знаю цену ласки и тепла.
Не в чаянье наград или побед
Я стану царствовать в юдоли бед.

А это вам – не шуточки шутить.
Попробуйте меня переманить.
Уговорить меня, купить, убить.
Меня, осилившую всех простить.